

Ирина Таяновская

Характеристика человека как культуроведчески ориентированный текстовой материал для обучающей работы (продвинутый этап в освоении РКИ)

Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego nr 2, 131-143

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ирина Таяновская

**Характеристика человека
как культуроведчески ориентированный
текстовый материал для обучающей работы
(продвинутый этап в освоении РКИ)**

В статье рассматриваются приёмы речевой работы на занятиях по РКИ на материале различных видов характеристики человека (с применением средств зрительной наглядности). Привлекаются описания русских языковедов, деятелей русской культуры, литературы, героев русской живописи и художественных произведений. Приводятся примеры использования культуроведческой информации при организации подобной работы с польскими студентами, изучающими русский язык.

Ключевые слова: характеристика человека, портретное описание, зрительная наглядность, культуроведческая информация

В рамках коммуникативно-смысловых фрагментов со значением характеристики человека выделяются многообразные способы создать о нём впечатление, которые очень часто и продуктивно сочетаются друг с другом: прямое высказывание о внутренних качествах личности, повествование о её действиях и привычках, отражение окружающего пейзажа, интерьера, речевая характеристика, воспроизведение непосредственно-прямой речи и т.п. В данной статье намечаются перспективы культуроведчески направленной речевой работы со студентами над таким видом характеристики человека, как **портретное описание**, или **характеристика внешности**, что органично располагает педагога к особенно широкому использованию средств наглядности в обучении. Направляющими для развития идейного замысла статьи могут послужить слова известного современного методиста в сфере преподавания РКИ А.Н. Щукина: “Наибольший педагогический эффект наглядность даёт, если сочетается со словом преподавателя, который организует наблюдение учащихся, тренировку и побуждает их к самостоятельной речевой деятельности”¹.

¹ А.Н. Щукин, *Лингводидактический энциклопедический словарь*, Москва 2007, с. 167.

Особенности русскоязычных портретных описаний исследовались рядом учёных – лингвистов, литературоведов, специалистов по теории журналистики (в свете теории очерка): Г.И. Абеляшевой, В.А. Алексеевым, Л.В. Баскаковой, Б.Е. Галановым, О.А. Нечаевой, К.П. Степановой, Г.С. Сырицей, Т.В. Ульяновой и др.²

Наряду с этим, с учётом возможностей дополнительной методической адаптации основных положений в содержании данных филологических исследований, представляет научную новизну целостный анализ и обогащение направлений и путей в обучающей работе со словесными художественными портретами, что позволило бы оптимизировать их применение в качестве речевого материала на учебных занятиях по РКИ со студентами. Исследование очерченной проблематики обладает актуальностью, исходя из потребности в повышении уровня коммуникативной и культуроведческой компетенции обучающихся, а также значимости портретных описаний для понимания внутреннего мира человека, усиливающей мотивацию к занятию языком на подобной текстовой основе. При этом постоянно вводимые культуроведческие комментарии, в частности, касающиеся взаимосвязей, диалога в развитии национальных исследовательских традиций и культур, должны трактоваться и представлять не как побочные отвлечения от центральных содержательных линий в проектировании занятий,

² Г.Е. Абеляшева, *Проблемы поэтики портрета: на материале романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»*, автореф. дис. канд. филол. наук, Днепропетровск 1996; В.А. Алексеев, *Очерк*, Ленинград 1973; Л.В. Баскакова, *Сложное синтаксическое целое в системе портретной характеристики* [в кн.:] *Язык прозы Чехова*, Ростов-на-Дону 1981, с. 44–56; Б.Е. Галанов, *Живопись словом. Портрет. Пейзажи. Вещь*, Москва 1974; О.А. Нечаева, *Функционально-смысловые типы речи: описание, повествование, рассуждение*: автореф. дис. д-ра филол. наук, Москва 1975; К.П. Степанова, *Поэтика описания (русская художественная проза 1830–1840 гг.)*: автореф. дис. канд. филол. наук, Ленинград 1975; Г.С. Сырица, *Поэтика портрета в романах Ф.М. Достоевского*, Москва 2007; Т.В. Ульянова, *Словесный портрет как речевая технология: функции и модели*, автореф. дис. канд. филол. наук, Ростов-на-Дону 2008.

а в качестве их неотъемлемой части, которая формирует широкий, многоаккурсный горизонт представлений двуязычной и культурно развитой личности.

Рассматриваемые далее учебные задания отражают реальный опыт преподавания: они апробировались в академических группах иностранных студентов, совершенствующих свои умения речи на русском языке в ходе обучения в Республике Беларусь (на филологическом факультете Белорусского государственного университета). В соответствии с тематикой издания, подчеркнём возможность и плодотворность использования подобных упражнений в процессе преподавания русского языка польским обучающимся. Подобный подход, помимо того, даёт материал и творческие идеи для построения интегративных занятий по РКИ и истории русской литературы.

Прежде всего, укажем **отдельные виды портретных описаний**, особенно перспективных для взаимосвязанного формирования коммуникативной, языковой, лингвистической и культуроведческой компетенции обучающихся филологических специальностей в процессе высшей профессиональной подготовки. Это описания: **1)** русских учёных-языковедов, **2)** героев русской живописи, **3)** деятелей русской культуры и в особенности – литературы, **4)** героев художественных произведений на русском языке, в том числе их изображений на иллюстрациях или сценических и кинематографических образов. Рассмотрим возможные упражнения, связанные с анализом и составлением перечисленных видов описаний при опоре на наглядные средства обучения. (При этом результаты аналитической интеллектуально-речевой деятельности студентов также воплощаются на продуктивном уровне – в их собственных учебных высказываниях.)

Так, облик виднейшего языковеда XIX века Ф.И. Булаева характеризуется на основе сопоставления изображения-портрета и мемуарного источника. Выделяется типичная **структура портретного описания**, совпадающая с композиционной схемой описания в целом: общее впечатление о внешности, её конкретные особенности, итоговая оценка (по

книге “Мастера красноречия”³). Это получает своё отражение с помощью графической наглядности – на соответствующем рисунке-схеме, который дополняется самими обучаемыми.

Для польских студентов уместно сопутствующим образом отметить, что, будучи полиглотом, Ф. И. Буслаев владел польским языком, а в рамках мифологической школы и миграционной теории в фольклористике исследовал образы, традиционно присутствующие не только в русских, но и в польских народных поверьях. Раскрывалось их родство с германской мифологией, в частности, между такими образами, как вила, русалка (польск. *wila*, *syrena*), с одной стороны, и эльф, валькирия – с другой.

Полезной является сопутствующая работа по **актуализации опорных словосочетаний**. Отмечается, что в портретных описаниях могут использоваться определения-прилагательные, передающие постоянные признаки (*карие глаза*), а могут – причастия, называющие признаки по действию (*сверкающие глаза*). Выполняются задания на сопоставление морфологически различных слов в подобных парах речевых оборотов и их актуализацию в портретном описании. Обучающиеся знакомятся с выражениями, которые могут встретиться в портретных описаниях, устанавливают, в каком из сочетаний каждой пары использовано прилагательное, а в каком – причастие, образованное от глагола (напр., *прищуренные глаза – внимательные глаза*, *зоркий взгляд – вопрошающий взгляд*, *нахмуренные брови – широкие брови*, *ободряющая улыбка – приветливая улыбка*, *приглаженные волосы – короткие волосы*, *седая борода – поседевшая борода*, *скуластое лицо – помолодевшее лицо* и т. п.). Указываются глаголы, от которых образованы данные причастия. Затем студенты составляют описание учёного, изображённого на портрете, используя любые 2–3 из приведённых выражений.

Свою целесообразность подтверждает такой вид работы, как **редактирование портретных описаний** на основе наглядности, созданных иностранными студентами. Анализ ис-

³ Н.Н. Митрофанов, Ю.Л. Кириллов (сост.), *Мастера красноречия*, Москва 1991.

ходного и отредактированного вариантов позволяет выявить основные направления в совершенствовании подобных портретных описаний: уточнение, исключение отрицательно воспринимающихся деталей, логически оправданное переструктурирование, устранение перечислительности и речевого однообразия.

Проводится анализ особых *композиционных приёмов выразительности* текста, включающего портретное описание:

Проваливаясь в глубокий снег, идёт краем дороги большой, плечистый и бесстрашный богатырь-юноша с неукротимым и обветренным лицом. Он идёт бодрым, ровным шагом сильного человека. В полушубке спрятаны любезные его сердцу учебники – “Грамматика” и “Арифметика”.

Крупная голова выдаётся волевыми чертами, высоким, открытым лбом. Живыми, жадными глазами Михайло Ломоносов смотрит вдаль – туда, где на семи холмах раскинулся огромный город: “Вот она, Москва!”.

(По А. Морозову, М. Сизовой).

Определяются использованные приёмы: композиционная перестановка и “изложение-загадка” – ретардация (вначале прямо не называется великий русский учёный). Прочтение соответствующего фрагмента сопровождается демонстрацией тематически близкого наглядного материала – картины Н.И. Кислякова “Юноша Ломоносов на пути в Москву”, обнаружением черт сходства между словесным и живописным изображением. Помимо того, отмечается сходство между словесным описанием и портретными кадрами из художественного фильма “Михайло Ломоносов” (режиссёр А.А. Прошкин, 1986 г.). Сопутствующее тестовое задание предполагает анализ языковых средств отрывка (“Определите, благодаря использованию каких средств языка достигается выразительность приведённого текста: 1) слов с переносным значением; 2) антонимов; 3) имён прилагательных; 4) настоящего времени глаголов вместо прошедшего; 5) обращений; 6) сравнений; 7) однородных членов предложения”).

Для польских обучающихся при этом можно подчеркнуть, что как “врата своей учёности” классик российской науки характеризовал, в частности, именно “Грамматику” М. Смотрицкого – автора, продолжительный период жившего и творившего на территории Речи Посполитой; что М.В. Ломоносов активно популяризировал идеи польского астронома Н. Коперника (сравн. стихотворение “Случились вместе два Астрóнома в пиру...”, в котором Коперник выступает в качестве персонажа условно-аллегорической ситуации).

Согласно развитию логики обучения “от простого к сложному”, более сложным, чем описание одного индивидуального портрета, является *сопоставление портретных описаний*. У обучающихся вызывает интерес задание правильно соотнести портретные изображения и мемуарные описания двух крупнейших русских языковедов: Ф.Ф. Фортунатова и Л.В. Щербы (по текстам С. Смирнова; Р. Аванесова, Б. Ларина). Обсуждается, на основе какого подхода строится каждое из описаний: принципа подобия или принципа контраста. Проводится расшифровка литературной параллели – внешнего и внутреннего сравнения с Дон-Кихотом, которое содержится во втором из описаний. С привлечением характерных иллюстраций актуализируется образ Дон-Кихота, отдельные особенности его отражения в русской культуре⁴, отмечаются черты подобия между ним и Л. В. Щербой.

Дополнительно в ракурсе, связывающем историю русской и польской науки, может указываться, что среди талантливых учеников Ф.Ф. Фортунатова, в частности – профессор Московского, Варшавского и Люблинского университетов В.К. Поржезинский, продолживший традиции учителя в области сравнительно-исторического языкознания. В свою очередь, Л.В. Щерба сам является учеником И.А. Бодуэна де Куртенэ, имя которого неразрывно сопряжено с историей и русской, и польской лингвистики. В одном из своих выступлений, касающихся анализа языковых явлений применительно к эволюции русских гласных, Л.В. Щерба подчёркивал, что

⁴ Ю.Айхенвальд, *Дон Кихот на русской почве*, „Новое литературное обозрение” 1997, № 26.

“польское, лужицкое, украинское должно тоже нас вдохновлять”⁵. Примечательно и то, что впоследствии, при подготовке лингвистического атласа русского языка, Л.В. Щербой изучался и учитывался опыт составления подобного польского атласа.

Ещё один возможный шаг в обучении портретному описанию – составление *коллективного портретного описания*, например учёного и его учеников. Так, в завершение подобного группового словесного портрета на основе документальной фотографии объясняется, почему обстановка в лаборатории экспериментальной фонетики Московского государственного университета выглядит и уважительной, и доброжелательной. Этимологией к подготовке данного группового портрета служит работа с индивидуальным портретом учёного А.А. Реформатского, который является ключевой фигурой в этой группе. Выполняются учебные задания, призванные раскрыть возможное богатство языка портретных описаний: в отрывке из “Зарисовок к портрету А.А. Реформатского” В.В. Иванова студенты находят синонимы к приведённым синонимическим рядам. В польскоязычной аудитории упоминается о том, что А.А. Реформатский в классическом учебнике “Введение в языковедение” показал место польского языка в типологической (морфологической) классификации языков, в своих трудах привлекал примеры из польского языка в сопоставительных целях.

Следующее направление в работе с портретными описаниями – организация обучающей деятельности на основе портретных характеристик *героев классической русской живописи*. К примеру, после предварительного самостоятельного описания картин Ф. Рокотова “Портрет А. Струйской” и А. Венецианова „Крестьянка с васильками” студенты работали над сопоставлением посвящённых каждому из полотен текстов, в том числе с точки зрения отражённой важнейшей идеи, выясняли

⁵ Р.И. Аванесов, *О встречах с Львом Владимировичем Щербой* [в кн.:] *Теория языка. Методы его исследования и преподавания: К 100-летию со дня рождения академика Л.В. Щербы*, Ленинград 1981, с. 11.

черты сходства в описаниях. Проводились языковые наблюдения над функционированием в них качественных и относительных имён прилагательных, способствующих выразительности и точности речи (в частности, примеры последнего рода: *шёлковое платье, брошь с жемчужной подвеской; полотняная косынка, холщовый передник*). Интересным для обучающихся будет увидеть иные созданные Рокотовым изображения красавиц восемнадцатого столетия, посвящённые представительницам семейства Лачиновых, исторически, со времён XV столетия, связанного с Польшей. Выделяются общие черты характерной рокотовской творческой манеры: затаённые чувства и полуулыбки, особенные “рокотовские глаза” как ключевая деталь портретов, увлечённая стремительность в движении кисти и создании образа, полумрак, игра света и тени, цветовые переливы, недосказанность и загадочность облика.

На данных примерах может проводиться сопоставление произведения живописи и тематически соотносительного с ним художественного текста. Например, в первом случае анализируется хрестоматийное стихотворение “Портрет” Н. Заболоцкого, определяются присущие высказыванию черты диалога с собеседником, повтора сложных слов. Во втором случае уместным оказывается сравнение с рассказом И.С. Тургенева “Свидание”, героиня которого, как и героиня рассматриваемой картины Венецианова, собирает букет васильков. Возможный ответ-вывод о сходстве героинь, к которому приходят иностранные студенты: “Любовь к полевым цветам подчёркивает близость к природе и поэтичность, чистоту и красоту души обеих героинь”. В этой связи предлагается объяснить смысл высказывания А. Венецианова: “Искусство рисования и самая живопись суть не что иное, как орудия, содействующие литературе и, следовательно, просвещению народа”, согласиться или поспорить с ним.

Работа над композицией портретного описания и умением восстанавливать *признак целостности текста* ведётся путём упражнений, напоминающих “коммуникативный тренажёр”. На отдельных карточках предъявляются части портретного описания картины для восстановления их возможной логической последовательности.

Для формирования культуроведческой компетенции студентов также весьма актуальна работа по речевому развитию на материале **портретных описаний деятелей культуры**, в особенности русской литературы. Например, необходимо догадаться, какому из портретов (а именно, кисти В. Тропинина или О. Кипренского) Александра Пушкина, афористически названного А. Мицкевичем “народа русского избранником, прославленным на Севере певцом”, соответствует предложенное описание, подготовленное иностранной учащейся, отметить свидетельствующие об этом детали, использованные речевые приёмы. Любопытно отметить, что О. Кипренскому принадлежит также портрет А. Мицкевича (1824 г.), размещённый в Государственной Третьяковской галерее.

Более сложным в структурно-смысловом отношении вариантом портретной характеристики является **описание портрета на фоне пейзажа** (напр., Александра Пушкина на легендарной “онегинской” скамье), требующее смысловой и словесной интеграции компонентов-описаний.

Портретные описания героев русской литературы могут обретать речевое развитие не только на основе непосредственно данного художественного текста, но и с опорой на уже существующие рисунки. Так, иллюстрации Л. Тимошенко к роману “Евгений Онегин”, неоднократно переводившемуся на польский язык, могут быть использованы для составления различных видов словесных художественных портретов-зарисовок: описания на фоне пейзажа (Татьяна Ларина мечтает), интерьера (Татьяна в момент создания письма Онегину), портрета коллективного (Татьяна гадает среди крестьянских девушек) и парного (Татьяна и Онегин в сцене финального объяснения).

Обучающимся можно предложить сопоставить между собой галерею портретных иллюстраций к чеховским рассказам. Например, рисунки разных художников: творческого трио Кукрыниксов, В.А. Миклашевского, С.А. Алимова и др. – сравниваются с авторским портретным текстом из рассказа “Человек в футляре”. Определяется ключевая развёрнутая метафора данного художественного портрета (идея закрытости, “футлярности”). Подобные наблюдения помогают прийти к находящим своё речевое воплощение выводам о том, как в рассматри-

ваемых иллюстрациях проявляется точность, меткость, острота видения деталей художниками, понимание ими полноты и богатства присущей произведениям А.П. Чехова художественной конкретизации (развития образа через опорные компоненты описания); как городской пейзаж на рисунке С.А. Алимова (потемневшее небо, вороны стаи) придаёт фигуре Беликова трагически зловещий оттенок. При этом глубже осознаётся неоднозначность и многогранность центрального речевого образа-символа. Подчёркивается, что замечательный польский писатель Я. Ивашкевич, именовавший А.П. Чехова “великим волшебником”, специально оттенял в чеховском мастерстве “именно необыкновенное умение автора... создать запоминающиеся, хотя внешне эскизные, индивидуальные портреты людей”⁶.

Помимо того, при работе с портретными описаниями могут продуктивно использоваться **фотоиллюстрации** – изображения героев литературных произведений, основанные на **образах киноискусства**. Так, фотографии Н.П. Хмельёва из черно-белого фильма “Человек в футляре” (1939 г.) дают возможность дополнительно обсудить вопрос о характерных деталях этого сценического образа (напр., непроницаемо чёрные очки), используемых актёром “жестах закрытости” (руки, сцепленные в замок на рукояти зонта; рука, спрятанная за край гимназического мундира), дополнениях к описанному А.П. Чеховым костюму (перчатки в тёплую погоду), что углубляет представление об использовании в чеховском художественном портрете сквозной метафоры, или целостного метафорического контекста.

Помимо указанного фотоматериала, студенты заинтересованно рассматривают и портреты разных актрис – звёзд мирового кино – в роли Анны Карениной. Подбирается по одному-два определения, характеризующих каждый из образов, например: 1. *Изысканная, сдержанная* (Грета Гарбо). 2. *Прекрасная, грустная* (Вивьен Ли). 3. *Нежная, женственная* (Татьяна Самойлова). 4. *Молодая, трогательная* (Софи Марсо). 5. *Ухоженная, аристократичная* (Татьяна Друбич).

⁶ Я. Ивашкевич, *Собрание сочинений*, т. 8, Москва 1980, с.380–381.

Отмечаются смысловые различия и оттенки, в частности, между понятиями *грустная* и *злая (сердитая)*, *блестящая* и *ослепительная* и др. Обсуждается, какой из портретов больше всего понравился студентам, в наибольшей степени, на их взгляд, соответствует образу героини в романе. Можно отметить, что перевод романа Л.Н.Толстого на польский язык (1878–1879 гг.) был первым среди появившихся иноязычных переводов произведения; в польском литературоведении и критике (напомним авторитетное имя А. Брюкнера) оспаривалась известная суровость авторской оценки поведения Анны, и этот образ характеризовался с большой симпатией⁷.

Благодаря специальной речевой работе, изображённые в литературе и на портретах люди ушедшего времени могут “оживать” для современных обучающихся, ещё больше заинтересовывать их как личности. Усиливается наблюдательность студентов, их способность к сопереживанию, восхищению внешней и внутренней красотой, неповторимостью и обаянием человека.

Как видим, культуроведчески направленная деятельность по совершенствованию устной и письменной речи студентов на материале портретных описаний способна благотворно влиять на интеллектуальный и эмоциональный уровень развития обучающихся – в том числе тех, родным языком для которых является польский, повышать их мотивацию в занятиях русским языком. На материале портретных описаний в процессе преподавания РКИ на продвинутом этапе могут формироваться и совершенствоваться такие речевые умения студентов, как:

на содержательном уровне: ▪ формировать и формулировать основную мысль портретного описания; ▪ обеспечивать точность передачи в описании деталей внешнего облика; ▪ дополнять портретное описание уместными, яркими подробностями; ▪ исключать детали, которые расходятся с общей тональностью портретного текста; ▪ обосновывать закономерность использования таких усложнённых форм словесного портрета, дополняющих образы героев, как портрет на фоне

⁷ А.Л. Григорьев, *Русская литература в зарубежном литературоведении*, Ленинград 1977.

интерьера или портрет на фоне пейзажа; ▪ устанавливать внутреннее единство сопоставительного и группового портретного описания;

на композиционном уровне: ▪ составлять и соблюдать общую композиционную схему портретного описания; ▪ устанавливать отношения композиционно-смыслового параллелизма и контраста в портретных описаниях; ▪ соблюдать логическую последовательность в указании опорных признаков внешности; ▪ определять эффект от использования особых композиционных приёмов выразительности в портретных описаниях (ретардация – “изложение-загадка”; структурная инверсия – “изложение-перестановка”); ▪ в заключении портретного текста давать финальные обобщения – делать вывод о том, о каких качествах личности свидетельствует портретное описание;

на языковом уровне – ▪ выбрать уместные словесные средства из синонимической лексики, типичной для портретных описаний; ▪ подбирать выразительные определения-эпитеты к опорным словам, называющим детали внешности; ▪ обеспечивать нормативную сочетаемость слов, распространённых в русскоязычных портретных описаниях (*волосы русые*, а не *жёлтые*; *глаза карие*, а не *коричневые* и т. п.); ▪ анализировать и применять образные приёмы усиления выразительности портретных фрагментов; ▪ усиливать степень лексико-грамматического разнообразия портретной характеристики и т. п.

Charakterystyka człowieka jako dydaktyczny materiał tekstowy o orientacji kulturoznawczej (poziom zaawansowany w nauczaniu języka rosyjskiego jako obcego)

W artykule przedstawiono metody kształcenia sprawności mówienia na lekcjach z języka rosyjskiego jako obcego na materiale różnego rodzaju charakterystyk człowieka (za pomocą środków obrazowych). Zastosowane zostały opisy językoznawców rosyjskich, przedstawicieli rosyjskiej literatury i kultury, opisy bohaterów literatury i malarstwa rosyjskiego. Pokazano przykłady zastosowania informacji kulturoznawczych w organizacji tego rodzaju pracy z polskimi studentami filologii rosyjskiej.

Słowa kluczowe: charakterystyka człowieka, opis portretowy, obrazowość, informacja kulturoznawcza

Characteristic of human as culturally oriented text material for teaching work (advanced stage in the learning Russian as a foreign language)

Methods of speech work during the studies of Russian language as foreign are discussed basing on material of different types of portrait characteristic of human (using visual demonstrativeness means). The descriptions of Russian linguists, famous people of Russian culture, literature, heroes of Russian literary and artistic works were used. Examples of usage of culturally oriented information at the organization of this work with the Polish students studying the Russian language are considered in the article.

Key words: characteristic of human, portrait description, visual demonstrativeness, culturally oriented information.

Ирина Таяновская – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой риторики и методики преподавания языка и литературы Белорусского государственного университета. Область научно-педагогических интересов: методика обучения русскому языку в средней и высшей школе, актуальные проблемы преподавания РКИ, теория и практика коммуникативного развития личности.